

Россия, труд, народовластие, социализм!

**КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ОТДЕЛ ПО ПРОВЕДЕНИЮ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ**

**ЦЕНТР
ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИИ**

15 МАРТА 1996 ГОДА: 30 ЛЕТ, КОГДА ДУМА СКАЗАЛА «НЕТ» БЕЛОВЕЖЬЮ

**Крым, Донбасс, Новороссия и Союзное государство:
Мартовские решения 1996 года как фундамент «Русской весны»**

Доклад Центра исследований политической культуры России

**Как КПРФ в Госдуме денонсировала Беловежские соглашения,
де-юре отменила распад СССР и заложила основы
для возрождения союзного государства**

В новейшей истории России есть день, который до сих пор пытаются вычеркнуть из памяти, замолчать, объявить «незначительным эпизодом». Но именно он стал юридической трещиной в бетонной стене Беловежской измены. 15 марта 1996 года Государственная Дума, где большинство принадлежало

левопатриотическим силам, во главе с КПРФ, приняла решения, де-юре опровергшие распад Советского Союза и подтвердившие юридическую силу Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года.

Это был не жест ностальгии, а волевой политико-правовой акт, который и сегодня определяет контуры интеграционных процессов на постсоветском пространстве, от Союзного государства до «Русской весны» в Крыму и присоединение к РФ ряда областей Новороссии.

РЕФЕРЕНДУМ ПРОТИВ СГОВОРА В «БЕЛОВЕЖСКОЙ БАНЕ»

В основе мартовских решений Госдумы 1996 года лежало фундаментальное противоречие, о котором КПРФ напоминает с первого дня своего существования: народ сказал одно, а кучка заговорщиков решила другое.

17 марта 1991 года 76% граждан СССР, пришедших на референдум при явке 80%, ясно заявили: Союзу быть. Верховный Совет СССР закрепил это специальным постановлением, обязывающим всех без исключения руководителей соблюдать волю народа.

Но уже 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписывают соглашение, по которому «Союз ССР... прекращает свое существование». Причем делают это, не обладая необходимыми полномочиями, в обход высших органов власти, в прямое нарушение конституций СССР и РСФСР.

15 марта 1996 года, ровно через пять лет после референдума, Дума под руководством левопатриотического большинства вернулась к этому узловому противоречию.

Вообще, следуем отметить, что к марту 1996 года в России сложилась уникальная ситуация. Это был разгар предвыборной президентской кампании. Рейтинг действующего президента Бориса Ельцина, опиравшегося на правительство либеральных реформаторов, был крайне низок.

В декабре 1995 года в Государственную Думу пришло левопатриотическое большинство. Коммунистическая оппозиция, имеющая относительное большинство в Думе, стремилась использовать эту трибуну для политического наступления. Фракция КПРФ стала крупнейшей, и вместе с аграриями (Николая Харитоновна) и группой «Народовластие» (Николая Рыжкова) она контролировала 180-190 из 226 голосов, необходимых для принятия парламентом решений. Это не гарантированное большинство, но фракция КПРФ с союзниками, если удавалось привлечь колеблющихся из фракций ЛДПР или «Российские регионы», была способна проводить самостоятельный, оппозиционный Кремлю курс.

Базовой точкой отсчета для политического наступления КПРФ весной 1996 года стало политическое акцентирование на пятилетию Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года. Геннадий Зюганов постоянно подчеркивает его юридический и политический смысл:

«185 миллионов человек имели в 1991 году право голоса. Из них пришли на референдум 80%, и 76% проголосовали за сохранение СССР... Через четыре дня Верховный Совет принял специальное постановление, обязывающее всех, без

исключения, выполнять волю народа. Воля народа, высказанная на референдуме, является священной. Она не имеет срока давности». (Г.А. Зюганов, 16.03.2021)

Фото Reuters

При этом акт от 8 декабря 1991 года, когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич в Беловежской пуще подписали соглашение, по которому «Союз ССР как субъект международного права и геополитической реальности прекращает свое существование», КПРФ и союзники изначально политически квалифицировали как «государственную измену»:

«Оценить как национальное предательство невиданного масштаба... Оно породило такую череду беззаконий и преступлений, которое... сопоставимо с нашествием Гитлера. По своим последствиям еще более трагическое». (Г.А. Зюганов о Беловежских соглашениях, НСН, 2016)

Именно противоречие между волей народа, выраженной на референдуме в 1991 году, и «преступным сговором» в Беловежье легло в основу исторического хода КПРФ в марте 1996 года. Этот ход отражал общественный запрос на действия КПРФ, которые были реализацией предвыборной программы партии, с которой она победила на выборах в Госдуму в декабре 1995 года.

КАК ДУМА ДЕ-ЮРЕ ПОДТВЕРДИЛА ИТОГИ РЕФЕРЕНДУМА 17 МАРТА О СОХРАНЕНИИ СССР

Утром 15 марта Дума работала в штатном режиме: прошел «правительственный час» с отчетами о нарушениях на выборах и ситуации в Чечне. Однако главное событие было впереди. Дума приступила к обсуждению двух резонансных законопроектов, внесенных левыми силами (КПРФ, Аграрии, «Народовластие»). Как отмечает в своей монографии «Российский парламентаризм между признанием и отторжением» депутат и политолог С.П.

Обухов, фракция КПРФ и ее союзники сумели привлечь на свою сторону депутатов от ЛДПР, обеспечив тем самым необходимое большинство для принятия исторического решения.

Сам факт того, что КПРФ и союзники не ограничились декларациями, а довели дело до реального голосования, заранее понимая остроту реакции Кремля, свидетельствует о высокой степени политической воли и готовности бросить вызов навязанной «беловежской» реальности.

Впрочем, тогдашний глава МВД генерал армии Анатолий Куликов, которому предстояло сыграть ключевую роль в грядущем кризисе, поначалу не воспринял это решение как катастрофу. Позже он вспоминал: *«Все отнеслись к решению Думы как к громкой предвыборной акции, способной привлечь дополнительные голоса избирателей. И не более того».*

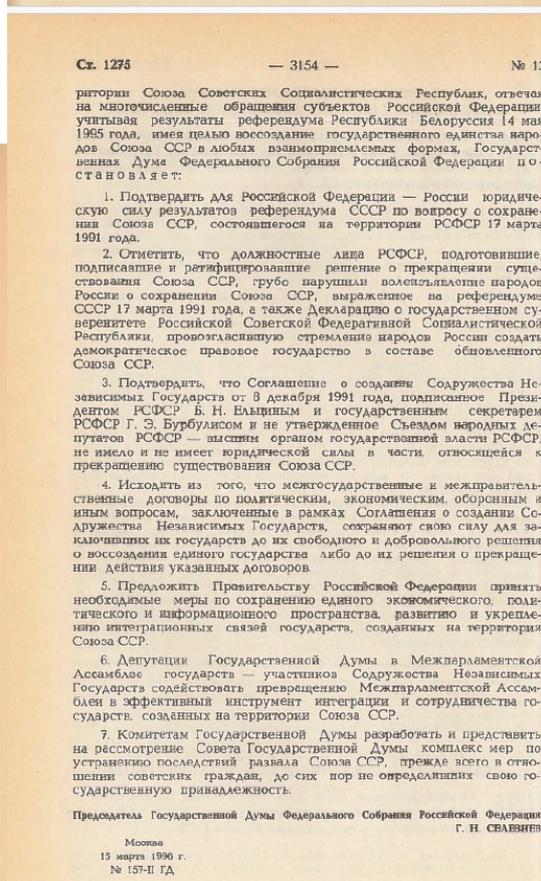
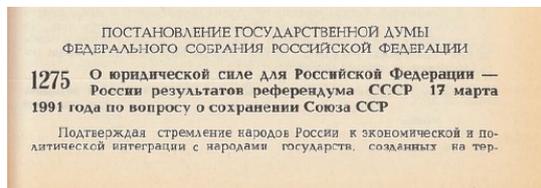
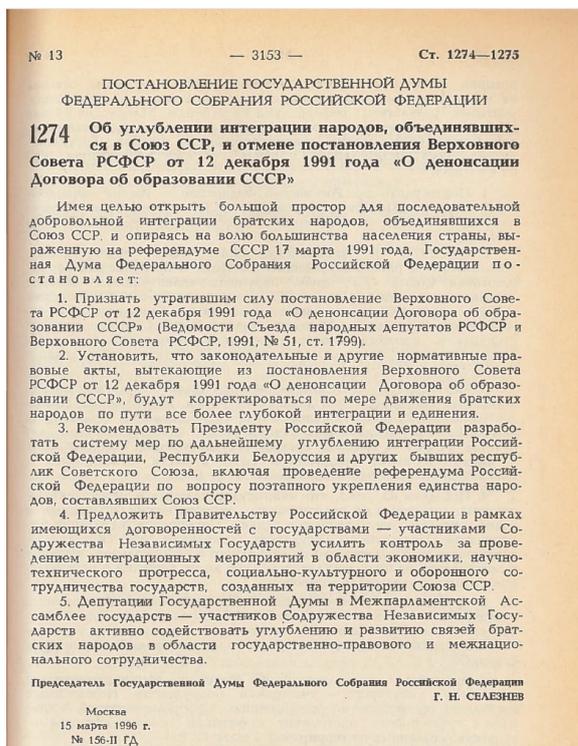
Действительно, с юридической точки зрения принятые два Постановления Госдумы о денонсации Беловежья и действительности итогов референдума 17 марта 1991 года не имели прямых политико-юридических последствий, таких как, скажем, Постановление Думы об амнистии участникам ГКЧП и событий осени 1993 года. Но политический эффект и последующие государственно-территориальные трансформации, вызванные этими постановлениями, оказались весьма значительными.

Итак, 15 марта 1996 года начались обычные, хотя и ожесточенные думские дебаты по проектам двух Постановлений парламента. В дискуссиях столкнулись непримиримые позиции. Левая оппозиция, напоминая про волю народа 17 марта 1991 года, обвиняла власть в развале страны, «партия власти» (черномырдинский «Наш дом — Россия») и демократы («ЯБЛОКО») — в популизме и попытке переворота. ЛДПР заняла ультра-патриотическую позицию, требуя наказать виновных в развале СССР, де-факто поддерживая КПРФ и левых.

После бурных дискуссий, по итогам голосования Государственная Дума в рамках своих конституционных полномочий приняла оба постановления:

1. **Постановление № 156-II ГД — «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР...»** — признало утратившим силу постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» (фактически, отмена юридического решения о роспуске СССР).
2. **Постановление № 157-II ГД — «О юридической силе для Российской Федерации — России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года о сохранении Союза ССР».** Ключевым стал пункт 3: *«Подтвердить, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, подписанное Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным и государственным секретарем РСФСР Г.Э. Бурбулисом и не утвержденное Съездом народных депутатов РСФСР — высшим органом государственной власти РСФСР, не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР».*

Ученые подчеркивают историческое значение этого акта: «Таким образом, Российская Федерация денонсировала Беловежские соглашения и признала существование Союза, пусть даже в этом Союзе кроме нее пока никого нет. Все доводы о том, что Советского Союза не существует, являются неубедительными с правовой точки зрения». («Российский парламентаризм между признанием и отторжением...»)

По сути, именно этим постановлением впервые на уровне высшего представительного органа власти РФ было зафиксировано то, что КПРФ утверждала с момента своего создания: Беловежские соглашения как акт распада СССР не только политически преступны, но и юридически ничтожны, а референдум 1991 года сохраняет полную силу. Тем самым КПРФ добилась того, что тезис о незаконности роспуска Союза перестал быть лишь оппозиционной декларацией и стал официально признанной правовой позицией парламента.

Понятно, что 15 марта 1996 года задача КПРФ состояла не в декларативной «ностальгии», а в закреплении юридического приоритета референдума-1991 как выражения «высшей воли народа». И эти Постановления Думы открывали простор для последующей государственно-территориальной трансформации через

выстраивание государственных союзов и приема в Российскую Федерацию новых субъектов, бывших ранее частью СССР.

Концептуально, денонсируя Беловежье и подтверждая действенность референдума 17 марта 1991 года, руководство КПРФ исходило из продвижения двух моделей реинтеграции на постсоветском пространстве. Либо новая Конституция для объединяющихся государств (это модель нынешнего Союзного государства России и Белоруссии, предполагающая впоследствии новый Конституционный акт и выборы в объединенный парламент). Либо модель, которую применила для воссоединения Германии ФРГ (статья 23 о присоединении новых земель — расширения действия существующей конституции ФРГ на новые территории). Раз Беловежские соглашения о распаде СССР нелегитимны, а юридическое действие референдума о сохранении СССР продолжается, то вполне Конституция Российской Федерации может быть введена в действие на других частях экс-СССР, где ранее проводился референдум о сохранении СССР и прошел новый референдум о вхождении данного государственного образования в состав Российской Федерации.

В перспективе именно эта концептуальная линия КПРФ — сочетание признания юридической силы референдума и разработки моделей реинтеграции — стала тем правовым и политическим каркасом, на котором позднее базировались «Крымская весна», воссоединение с Донбассом и расширение Союзного государства.

ОСТРОТА ДУМСКОЙ ПОЛЕМИКИ 15 МАРТА 1996 ГОДА

За принятие постановлений однозначно высказалась левопатриотическая оппозиция ельцинскому режиму: КПРФ, Аграрии, «Народовластие»):

Николай Биндюков (КПРФ): *«Верховный Совет РСФСР нарушил более 30 статей действовавшей в то время Конституции РСФСР... Роспуск Съезда народных депутатов СССР заложил такой кризис, разрешить который можно было только незаконным путем... Референдум выше Съезда. Съезд обязан выполнить волю народа».*

Николай Рыжков («Народовластие»): *«Распад великой страны продолжает терзать умы и души десятков миллионов людей... Непреложным остается один, но самый главный факт — жизнь всех без исключения народов, составлявших ранее Союз ССР, стала не лучше, а заметно хуже... Вчера Президент страны более чем ясно показал, кто есть власть в стране, парламенту бесцеремонно указали на его место. Слушая это откровение, я невольно вспоминаю слова Пушкина: "В России нет закона. Есть столб, на нем — корона"».*

Николай Харитонов (Аграрная депутатская группа): *«Сегодня 150 миллионов... глядя на фотографии родственников, которые живут в Белоруссии, в Грузии, в Азербайджане, на Украине, плачут... Ноги чеченской войны как раз растут из тех событий — из бани в Беловежской Пуще».*

Решительно против принятия решений о денонсации Беловежских соглашений были демократы из партии «ЯБЛОКО» и партия власти в лице фракции «Наш дом — Россия» (НДР) премьер-министра В.С. Черномырдина:

Григорий Явлинский («ЯБЛОКО»): *«Это в третий раз! В третий раз хотим изменения основ государственности России: в 1917-м, в 1991-м, теперь — в 1996 году... Разрушение российской государственности вновь только и может явиться возможным последствием такого проекта».*

Сергей Беляев (НДР): *«Юридически документ нас ведет в никуда. А политически? Превращение России в неопределившееся государство привносит хаос... на карту поставлено все. И в этих условиях нужно сорвать или оттянуть выборы Президента».*

Александр Котенков (представитель Президента): *«Правовая неопределенность... переводят Россию в разряд неопределившихся государств, в связи с чем Россия теряет место в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций».*

Радикальную позицию заняла фракция ЛДПР, которая прямо не поддерживала проекты постановлений левых фракций, но давала всей своей антизападной риторикой понять, что проголосует «за»:

Владимир Жириновский (ЛДПР): *«Представители американских спецслужб прямо заявили, что они это сделали. Они выиграли холодную войну. Они развалили СССР... Им нужны наша земля, наши материальные богатства... Бурбулис, где он? Нет в зале — уже боится... Вот, что ждет его, Бурбулиса!»*

Умеренную позицию заняла депутатская группа провластных региональных одномандатников «Российские регионы»:

Владимир Медведев («Российские регионы»): *«Историю вспять не повернуть, а если уж изменять сложившуюся ситуацию в лучшую сторону, то очень плавно, придерживаясь основополагающего принципа врачей — не навреди! ... Депутаты Думы, голосуя за них, должны отдавать себе отчет в том, что за этим не последует ничего, кроме пропагандистской шумихи».*

Таким образом, уже в ходе полемики 15 марта КПРФ столкнулась не только с идеологическим сопротивлением «партии власти» и либералов, но и с прямыми обвинениями в попытке «изменения основ государственности». Тем более показательно, что, **сознавая весь масштаб давления и грядущий шантаж со стороны Кремля, коммунисты и их союзники не свернули с намеченного курса, продемонстрировав принципиальность и политическую стойкость.**

ШАНТАЖ ОТ ЕЛЬЦИНА: НОЧЬ С 15 НА 16 МАРТА И ДНИ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ШТОРМА»

Принятые Государственной Думой решения мгновенно вызвали резонанс в России и за рубежом. Администрация президента Ельцина, исполнительная власть и Совет Федерации выразили резкое неприятие. В Администрации президента тщательно отслеживали прохождение инициативы оппозиции. Тут решили, как свидетельствует мемуарная литература, обернуть это решение против «коммунистической» Думы.

Сам Б.Н. Ельцин начал анти-парламентскую кампанию, внушая общественности, что тем самым предпринята «попытка ликвидировать нашу государственность», поставить «под сомнение легитимность государственных органов, в том числе ныне действующей Государственной Думы». По признанию ельцинских помощников, массированная анти-думская кампания в СМИ в марте 1996 года стала «самой эффективной из числа когда-либо организованных Кремлем».

Однако ответ ельцинской администрации, как видно по данным мемуаристики и публичных выступлений Г.А. Зюганова, оказался намного жестче, чем просто информационная война партии власти против КПРФ и «красной Думы».

Сразу после голосования по денонсации Беловежских соглашений в Кремле был подготовлен пакет из трех чрезвычайных указов: о роспуске Думы, о запрете КПРФ и об интернировании сотен оппозиционеров (называются цифры от 400 до 2000 человек).

Фактически речь шла о попытке не только реванша за парламентское поражение, но и об установлении открытой диктатуры, основанной на ликвидации крупнейшей оппозиционной партии. КПРФ оказалась под прямой угрозой запрета, а ее актив — под угрозой массовых арестов, то есть реальной физической расправы над политическими противниками. В этих условиях сохранение принятого 15 марта курса требовало от коммунистов исключительной политической воли и готовности не склониться перед грубым силовым шантажом.

Сам лидер КПРФ Г.А. Зюганов в заявлении с трибуны в Госдуме в марте 2021 года в связи с 25-летием денонсации Беловежских соглашений и 30-летием

референдума 1991 года, когда он оценивал политические последствия тех решений парламента, детально восстанавливал хронологию антиконституционных намерений Ельцина и его команды в течение тех страшных суток.

Эти парламентские заявления Зюганова полностью подтверждаются и детализируются человеком, который должен был непосредственно исполнять эти указы — тогдашним министром внутренних дел генералом Анатолием Куликовым.

Утро 17 марта 1996 года: Ельцинский приказ «Мне нужны два года»

Дочь президента Татьяна Юмашева в своих воспоминаниях описывает, что после решения Думы по денонсации Беловежских соглашений и подтверждению действительности результатов референдума 17 марта 1991 года группа Коржакова-Сосковца убедила Ельцина в необходимости распустить парламент, запретить КПРФ и перенести президентские выборы на два года. Они утверждали, что народ не хочет выборов и наступил благоприятный момент покончить с коммунистами. Сам Ельцин, по ее словам, считал это своим долгом и дал добро на подготовку силовых действий.

В своих мемуарах и интервью Куликов описывает это воскресное утро поминутно. В 7:30 утра ему позвонил руководитель Службы безопасности президента Александр Коржаков и вызвал в Кремль. Прибыв к 11:00, Куликов застал встревоженного президента. Ельцин без лишних предисловий объявил:

«Я решил в понедельник распустить Государственную Думу. Она превысила свои полномочия. Я больше не намерен этого терпеть. Надо запретить коммунистическую партию, перенести выборы. Мне нужны два года».

Министр, опытный военачальник, не стал перечить напрямую, но попросил время для расчетов, попросив перенести окончательное решение на 17:00 того же дня. Ельцин согласился. Куликов вспоминает, что его поразила настойчивость, с которой Ельцин повторял фразу «Мне нужны два года» — она звучала как заклинание.

Выйдя от президента, Куликов поднялся к руководителю службы безопасности президента, тогда еще всеильному генералу Коржакову, где уже собрались первый вице-премьер Олег Сосковец, генеральный прокурор Юрий Скуратов и руководитель ФСБ Михаил Барсуков. Там обсуждались технические детали: как под благовидным предлогом (например, «минирование») очистить здание Думы от людей, чтобы не допустить повторения сценария 1993 года с осадой занятого депутатами «Белого дома».

В МВД тем временем уже запустили маховик подготовки. На экстренном совещании коллегии Куликов поставил задачу, но приказал хранить все в тайне. По его словам, «все генералы были спокойны и сосредоточены, словно разгон парламентов и компартий для нас — обычное дело». Однако сам министр, оставшись один, начал осознавать катастрофические последствия задуманного.

Аргументы генерала: почему нельзя ломать Конституцию

Взвесив все «за» и «против», Куликов пришел к выводу, что выполнение приказа ввергнет страну в гражданскую войну. Он связался с генпрокурором Юрием Скуратовым и председателем Конституционного суда Владимиром Тумановым, чтобы скоординировать действия. На встрече в Генпрокуратуре они констатировали: решение президента антиконституционно, так как запрещено распускать Думу за полгода до выборов президента, которые намечены на 16 июня 1996 года.

В 17:00 эта троица в полном составе вошла в кабинет Ельцина. Для президента это было неожиданностью. Куликов доложил, что подготовка к операции идет, но сам он, Скуратов и Туманов считают это решение ошибочным и губительным для страны. Аргументы министра были жесткими и прагматичными:

Социальный взрыв: «Общество наэлектризовано. Бюджетники, врачи, учителя месяцами не получают зарплату. Шахтеры стучат касками, перекрывают дороги. Запрет Компартии всколыхнет Россию, на улицы выйдут сотни тысяч людей».

Ненадежность силовиков: «Нет уверенности в том, что милиция повсеместно будет выполнять такие решения. Почему здесь нет министра обороны? Кто просчитал реакцию Вооруженных сил? У меня нет уверенности, что они вас поддержат. Между армией и МВД возможны конфликты». Он напомнил, что сейчас армия ведет боевые действия в Чечне, и второй фронт внутри страны станет катастрофой.

Юридическая бесперспективность: Сами по себе решения Думы о денонсации Беловежских соглашений не имеют прямого действия, и их можно обжаловать в Конституционном суде, а не разгонять парламент.

Международная реакция: Мировое сообщество не поймет отмену выборов и разгон парламента в преддверии голосования на президентских выборах.

Ельцин был раздражен такой «фрондой». Он упрекнул Куликова: «Но вы же утром ничего мне не сказали». На что министр резонно ответил, что утром ему нужно было время для анализа.

16–17 марта: Страна на грани. Блокирование Госдумы

Несмотря на уговоры, вечером 17 марта Ельцин не отменил своего решения. Указ должен был быть подписан.

Уроки октября 1993 года были учтены: силовики гарантировали, что к моменту обнародования указа о роспуске Думы в здании на Охотном ряду не будет ни одного депутата, чтобы не допустить создания нового центра сопротивления.

Согласно воспоминаниям и стенограммам заседаний, в выходные дни 16–17 марта здание парламента было взято под контроль вооруженными людьми.

Занятие спецназом: Депутат Владимир Исаков в своих мемуарах описывает, что в субботу вечером здание парламента было занято спецназом в

«непроницаемых черных масках». Операция готовилась поспешно, поэтому для нее не успели придумать единой легенды.

Противоречивые предлоги: Люди в масках давали разные объяснения происходящему: одни говорили, что «ищут бомбу», другие ссылались на «повышенную радиацию», третьи — на «учения по обезвреживанию террористов». Однако депутатам, которые пытались пройти в здание, объясняли все более прямо: «Приняли постановление? Все — идите, отдыхайте. Теперь у вас будет длинный перерыв...».

Депутатов не пускают: Заместитель Председателя Госдумы Артур Чилингаров рассказал коллегам, что в воскресенье в 18 часов его не пустили в здание. Ему сообщили, что там ищут бомбу, а позже руководство ГУВД и Главного управления охраны президента добавило, что в Подмосковье находятся террористы и, возможно, придется организовывать защиту здания.

Массовое присутствие военных: Депутат Владимир Гусев утром в понедельник, 18 марта, столкнулся у входа с «молодыми людьми в милицейской форме» с военной выправкой. Ему заявили о высоком уровне радиации в здании и приказе никого не пускать. По его оценке, у здания и на прилегающих улицах находилось несколько сотен вооруженных людей.

Нестыковки в действиях силовиков: Депутат Нина Данилова обратила внимание на абсурдность ситуации: несмотря на объявленную угрозу взрыва или радиации, квартал вокруг Думы оцеплен не был, и люди спокойно гуляли рядом.

Итак, вроде бы внешне все было готово к оглашению пресловутых трех указов Ельцина – о роспуске Госдумы, интернировании 400 руководителей КПРФ и переносе на два года президентских выборов.

Однако позиция ключевых силовиков — Куликова, а также, по некоторым данным, министра обороны Павла Грачева, который также дал понять, что армия может не поддержать авантюру, — сыграла решающую роль. К тому же расчеты показали, что для контроля ситуации в одной лишь Москве потребуется не менее 100 тысяч штыков, а вокруг столицы простирался «красный пояс» регионов, лояльных левопатриотической оппозиции.

Ранним утром 18 марта на совещании у президента Куликов вновь взял слово. По его воспоминаниям, он произнес программную речь, главный посыл которой был: *«Это похоже на авантюру. Последствия не просчитаны. Разгон Госдумы — антиконституционный акт. А сегодняшняя Конституция — это ваша, Борис Николаевич, Конституция...»*.

Итак, решающим фактором, заставившим Ельцина отступить, судя по мемуаристике, стала позиция министров силового блока. Экс-председатель Совета Республики расстрелянного Верховного Совета и депутат Госдумы Владимир Исаков пишет в мемуарах, что решающим аргументом для президента послужило то, что министр обороны Павел Грачев и министр внутренних дел Анатолий Куликов не гарантировали поддержку разгона парламента со стороны силовых структур.

По данным Исакова, консультации с участием высших должностных лиц государства продолжались всю ночь. Под утро Ельцин «сдался» и, по слухам,

собственноручно разорвал уже подписанный им указ о приостановлении деятельности Государственной Думы.

Итак, под давлением неопровержимых аргументов и, главное, неготовности силового аппарата рисковать гражданским миром, Ельцин отступил. Указы так и не были подписаны. Позже помощник президента Георгий Сатаров констатировал: Ельцин *«отказался от своей последней за десятилетнее правление попытки силовых действий по отношению к законодательной власти»*.

Тем временем, стремясь разрядить обстановку, Председатель Думы Геннадий Селезнев встретился с послами стран СНГ, чтобы разъяснить позицию парламента и снизить напряженность, передавая им тексты принятых документов.

Хотя вооруженный конфликт был предотвращен, он имел серьезные последствия в общественном мнении. Апрельское исследование социологической службы РНИСиНП 1996 года показало: события вокруг анти-беловежского постановления Думы, по мнению 21% избирателей, повлияли в пользу лидера оппозиции Г.А. Зюганова, и только 15% — в пользу Б.Н. Ельцина (остальные не имели мнения и т.п.).

Фактически мартовский кризис продемонстрировал, что именно несгибаемая позиция КПРФ, отказ подчиниться шантажу запретом и интернированием, в сочетании с ответственностью части силового блока, позволила предотвратить попытку развязать новый виток гражданского противостояния по образцу 1993 года. При этом решения Думы от 15 марта не были отозваны, а остались в силе — как правовой факт, который впоследствии стал фундаментом всей интеграционной линии России.

ВЫНУЖДЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ЕЛЬЦИНА: ПЕРЕДАЙТЕ ЗЮГАНОВУ, ЧТОБЫ ОН «НА БТР НА РАБОТУ НЕ ЕЗДИЛ».

В понедельник утром, 19 марта 1996 года, депутатов и сотрудников аппарата стали пропускать в здание, и Дума возобновила работу. Позже Ельцин прокомментировал ситуацию с иронией, посоветовав передать Зюганову, чтобы тот «на БТРе на работу не ездил».

Первое после попытки переворота заседание Госдумы 20 марта 1996 года началось с бурного обсуждения повестки дня.

Прежде всего, на пленарном заседании депутаты попытались снять покров тайны с этих событий.

Так, прозвучали призывы к расследованию: депутат Сергей Решульский потребовал официальной информации о том, «какие бомбы и радиоактивные контейнеры» искали в здании. Алевтина Апарина призвала председателя Думы Геннадия Селезнева срочно связаться с президентом, предупреждая: «Чего же мы ждем? Чтобы автоматчики появились? Они уже другим языком разговор будут вести!».

Звучали требования повышения самостоятельности Госдумы как государственного института. Депутат Юрий Нестеров заявил о необходимости срочно обеспечить Государственной Думе статус юридического лица и

самостоятельность в обеспечении своей деятельности, чтобы больше не зависеть от воли исполнительной власти.

Депутаты от КПРФ и левопатриотической оппозиции были возмущены необъективным, по их мнению, освещением работы Думы в СМИ. Либералы, в лице Эллы Памфиловой (ныне глава ЦИК РФ) и Сергея Юшенкова (впоследствии убит, как выяснило следствие, с целью перехвата финансирования, которое олигарх Березовский выделял партии «Либеральной России»), предложили вернуться к принятым постановлениям о денонсации Беловежских соглашений и отменить их.

Кульминацией этого противостояния стало выступление Елены Мизулиной («ЯБЛОКО»), которая внесла предложение об отставке Селезнева, обвинив его в нарушении Конституции при редактировании текста постановлений. Однако это предложение не нашло поддержки у большинства.

Также обсуждалось обращение Совета Федерации с просьбой к Госдуме пересмотреть решения от 15 марта. Депутаты решили не рассматривать его в спешке, а передать во фракции для изучения.

В итоге, основное время заседания 20 марта, несмотря на политическую напряженность, было посвящено рутинной законотворческой работе. Ситуация возвращалась в привычное парламентское русло. Принимались законы о повышении минимальной зарплаты, о рынке ценных бумаг, об Уполномоченном по правам человека (во втором чтении), обсуждались президентские вето и социальные вопросы. В конце дня, из-за нехватки времени и кворума, часть вопросов была перенесена, а попытка избрать седьмого заместителя председателя Думы (Р. Абдулатипова) отложена до выяснения позиций фракций.

Вроде бы инцидент с предполагавшимся роспуском Госдумы, интернированием сотен депутатов и активистов КПРФ и отменой президентских выборов постепенно уходил на периферию политического и общественного внимания. Все стороны конфликта переключились на решающее противостояние на президентских выборах в июне 1996 года.

Первый раунд прямого политического столкновения завершился отступлением президентской стороны. Причем КПРФ, благодаря «мартовскому демаршу 1996 года», создала политико-юридический плацдарм для последующих действий по возрождению единого союзного Отечества.

Тем самым партия не только сохранила принятые постановления, но и продемонстрировала способность выдержать беспрецедентное давление и попытки пересмотра своих решений, что еще раз подтвердило ее роль как силы, принципиально не склоняющейся перед шантажом и угрозами расправы.

ОТ МАРТА 1996-ГО — К КРЫМУ, ДОНБАССУ И СОЮЗНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Хотя постановления Думы 1996 года не привели к немедленному воссозданию структур будущего союзного государства, они запустили цепочку важнейших политических процессов.

Информационно-политический ответ Кремля и общественное мнение

От силового сценария отказались, но решения Госдумы стали центральным элементом антикоммунистической мобилизации в президентской кампании 1996 года. Биограф Г.А. Зюганова писатель А. Житнухин характеризует это как переход к «информационному террору. Беспощадному, циничному и грязному». В медиа демарш левопатриотических сил был представлен как попытка «реванша» и «возврата в СССР». Эту повестку официальная ельцинская пропаганда отработывала на все сто процентов.

Однако данные опросов того времени рисуют более сложную картину. По данным ВЦИОМ (22–27 марта 1996 года), решение Думы о денонсации «безусловно положительно» и «скорее положительно» оценивали 30% россиян, а «безусловно отрицательно» — только 19%. 30% затруднились с ответом.

На ключевой вопрос о возможном переносе президентских выборов из-за этого решения утвердительно ответили лишь 9%, не поддержали бы такое решение 55%, а 13% заявили, что их это не интересует. Таким образом, планировавшееся в Кремле решение о переносе выборов и роспуске Думы не имело сколь-либо значимой общественной поддержки. Именно этот общественно-политический вакуум, в котором оказался Ельцин в марте 1996 года, и предопределил его политическое отступление — непринятие указов о роспуске парламента, запрете КПРФ и отмене выборов.

Запуск интеграционной повестки с Белоруссией: торопливые договоренности Ельцина с Лукашенко

Парадоксальным образом, чтобы «перехватить» лозунг восстановления порушенного государственного единства, восстановления исторической России, администрация Ельцина была вынуждена форсировать постсоветскую интеграцию. Уже 2 апреля 1996 года был подписан Договор о создании Сообщества России и Белоруссии.

Депутаты и ученые прямо связывают эти шаги с мартовскими решениями:

«Я бы обратил внимание на 96-й год и дату создания Сообщества. За две недели до этого, 15 марта, Государственная Дума, голосами КПРФ, денонсировала Беловежские соглашения... Политической реакцией на "денонсацию" в штабе Ельцина стали торопливые договоренности с Лукашенко». (С.П. Обухов)

Так антагонизм между ветвями власти стал катализатором для создания Союзного государства России и Белоруссии, до сих пор играющего важную роль в евразийской политике.

Правовой фундамент для «собираания земель»

Коммунисты последовательно интерпретируют постановления 1996 года как юридическую основу «Крымской весны» и последующего присоединения областей Новороссии.

Эту линию проводит, прежде всего, **Г.А. Зюганов:**

«Я благодарю тех, кто тогда принял решение о денонсации Беловежских соглашений. Это оно открыло нам возможность для возвращения на Родину Крыма и Севастополя». (Г.А. Зюганов, 16.03.2021)

Активно звучит она и с думской трибуны:

«Этим постановлением Госдума выразила свою правовую позицию по отношению к Беловежским соглашениям как к противоправному, антиконституционному акту... Благодаря усилиям фракции КПРФ открылся путь для создания правовых основ поэтапного восстановления государственного единства... В 2014 году присоединение Республики Крым к РФ произошло на основании "закона Лукьянова", который был основан на решениях Госдумы о денонсации Беловежских соглашений». (С.П. Обухов. Дума ТВ. 21.12.2021)

Депутаты фракции КПРФ с 1997 года настаивали на скорейшем рассмотрении конституционного (для принятия требовалось более 300 голосов депутатов) законопроекта «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Соавторы — А.И. Лукьянов, Л.А. Иванченко (КПРФ), М.С. Гуцериев (ЛДПР), М.З. Юрьев («Яблоко», руководитель движения «Евразия»). Именно он позволял реализовать как соответствующие конституционные положения (статья 65, часть 2), так и политические цели, определенные в постановлениях Госдумы 15 марта 1996 года.

Только спустя два года, к концу второго созыва, преодолев все согласительные правовые процедуры и торпедирование администрации президента Ельцина, законопроект о порядке воссоединения с Россией, или, как его теперь называют исследователи, «закон Лукьянова-Юрьева», о механизме реинтеграции в состав Российской Федерации бывших территорий СССР или частей этих территорий был с большим трудом рассмотрен и проголосован в первом чтении.

Генерал А. Макашов из фракции КПРФ в декабре 1999 года так агитировал парламентариев за законопроект, который был внесен во исполнение постановлений по денонсации Беловежских соглашений для обеспечения реинтеграционных процессов:

Макашов А.М. (фракция КПРФ): *«Если прочитать внимательно название закона (а это концепция закона), то увидим, что речь ... о принятии в состав Российской Федерации. И не все время в Кремле будет сидеть Гришка Отрепьев. Наверное, будет и Иван Калита — собиратель земель русских. И вопрос может возникнуть очень скоро. Русские люди в Приднестровье девять лет стоят на*

коленях: *"Возьмите нас к себе!" Абхазия не принадлежит... ее с боем взял Черноморский флот, эскадра Черноморского флота Сухум-кале взяла! Батум-кале и Аджарию царь купил за 100 тысяч червонцев — она наша, за наше золото куплена! Карабах — это была Елисаветинская губерния, входила в состав Ставропольского губернаторства! Да, эти вопросы можно и нужно ставить. Почему-то той стороне, Америке, можно все делать с двойным стандартом, а нам нельзя».*

Последний председатель Верховного Совета СССР, а в Думе второго созыва председатель Комитета по конституционному законодательству Анатолий Лукьянов в том же декабре 1999 года, когда до завершения полномочий второго созыва оставались считанные дни, убеждал коллег хотя бы в первом чтении принять конституционный законопроект о возможности принятия новых субъектов в состав Российской Федерации:

Лукьянов А.И. (фракция КПРФ): *«Вот теперь мы хотим принять закон, который бы укреплял единство России, а нам ставят палки в колеса... Дело в том, как мне кажется, что этот закон имеет принципиальное значение. Передать будущей Думе наше мнение о сохранении единства России, о возможности объединения с ней других республик, других стран — это очень важно. Мы таким образом передали бы эстафету новому парламенту».*

Закон удалось провести через Думу и Совет Федерации только после ухода Ельцина в отставку. И окончательное принятие произошло лишь в 2001 году, уже в Думе третьего созыва при президенте Путине. Причем даже пришлось преодолевать вето Совета Федерации – создавать согласительную комиссию.

Мы только сегодня можем оценить высочайшую правовую и политическую значимость как решений о денонсации Беловежских соглашений, так и вытекающего из них этого закона № 6-ФКЗ от 17 декабря 2001 года «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Например, в решениях (заклЮчениях) Конституционного Суда Российской Федерации о проверке соответствия Конституции РФ международных договоров о принятии в состав России новых субъектов (Республики Крым и города Севастополя в 2014 году, а также ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в 2022 году) содержится прямая отсылка к Федеральному конституционному закону № 6-ФКЗ.

Именно этот закон 2001 года устанавливает уже несколько раз использовавшуюся процедуру, в рамках которой и происходило присоединение новых территорий к Российской Федерации. Вот как это выглядит юридически:

Закон 2001 года восполнил правовой реинтеграционный пробел, определив, что:

- Принятие нового субъекта возможно только по обоюдному согласию России и другого государства (или его части).

- Инициатива должна исходить от заинтересованного иностранного государства.

- В случае принятия части иностранного государства там должен быть проведен референдум.

- Затем заключается международный договор, который направляется в Конституционный Суд.

В своих заключениях Конституционный Суд всегда проверяет, соблюдена ли процедура, прописанная в законе 2001 года. Это подтверждают и заключения 2014 и 2022 годов.

Суд указывал, что инициатива исходила от государственных органов. Анализировал, что обращения исходили от Крыма и Севастополя (в 2014 г.) и от органов власти ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (в 2022 г.).

Подтверждал, что в этих частях другого государства были проведены референдумы, и что все это соответствует требованиям статьи 1 Закона № 6-ФКЗ.

Также Суд проверял, не противоречит ли сам договор о присоединении Конституции РФ, и опирался при этом на правовые позиции, вытекающие из того же закона.

Таким образом, Закон 2001 года является тем фундаментом, на котором строится вся современная практика территориального расширения России. Без него не было бы четкой конституционной процедуры, и каждое присоединение пришлось бы обосновывать лишь общими нормами международного права, что создавало бы правовую неопределенность.

По существу, можно утверждать: без мартовских решений 1996 года, проведенных КПРФ через Думу под угрозой запрета и интернирования партийного актива, не возник бы и тот юридический инструментарий, на который сегодня опираются интеграционные процессы — от «Крымской весны» до вхождения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации.

Логика борьбы за «собрание земель»

Очевидна следующая **политическая логика действий по «собранию земель», реинтеграции, за которые борется и ратует КПРФ.**

Итак,

Март 1991 – референдум о сохранении СССР, который был торпедирован Беловежскими соглашениями о роспуске СССР в декабре 1991 года.

Март 1996 – денонсация Беловежских соглашений Госдумой и подтверждение итогов Всенародного референдума марта 1991 года.

Апрель 1996 – Договор об образовании Сообщества Беларуси и России и Соглашение о создании Парламентского собрания.

Июнь 1997 – внесение в Госдуму «закона Лукьянова-Юрьева» № 97802110-2 (соавторы – А.И. Лукьянов, Л.А. Иванченко (КПРФ), М.С. Гуцериев (ЛДПР), М.З. Юрьев («Яблоко», руководитель движения «Евразия»)) — «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

1997–2001 – Блокирование рассмотрения и продвижения законопроекта № 97802110-2 Администрацией президента Ельцина, партией власти и Советом Федерации, в т.ч. под предлогом внесения аналогичного закона Ельциным (Котенков А.А., постпред Президента Ельцина в Думе, декабрь 1999: «Подобный законопроект вносился Президентом еще три года назад, но в силу определенных обстоятельств, в силу низкого качества его подготовки был отозван Президентом»). Из стенограммы Госдумы).

Январь 2000 – Ратификация Договора о создании Союзного государства России и Белоруссии и подписание Путиным закона о ратификации.

Декабрь 2001 – преодоление Госдумой вето Совета Федерации (создание согласительной комиссии), подписание президентом Путиным «закона Лукьянова-Юрьева» — «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Февраль-март 2014 – «Крымская весна», вхождение в состав РФ Крыма и Севастополя после референдума.

Февраль 2022 – Признание Госдумой независимости ДНР и ЛНР.

Сентябрь-октябрь 2022 – подписание в Кремле Президентом России Владимиром Путиным и главами ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей Договоров о принятии в Российскую Федерацию новых субъектов и одобрение их Конституционным судом и парламентом.

Вся эта цепочка событий убедительно показывает, что март 1996 года стал отправной точкой юридически выверенного и политически последовательного курса на восстановление исторической России. И именно КПРФ выступила тем инициатором и проводником, который, не дрогнув перед прямыми угрозами со стороны ельцинской власти, заложил правовой фундамент будущего «собирания земель».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ КПРФ ПРОТИВ ЕЛЬЦИНСКОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Легитимация тезиса КПРФ о незаконности распада СССР

Постановления Госдумы от 15 марта 1996 года стали первым актом высшего органа власти РФ, официально назвавшим Беловежские соглашения «противоправным актом». Это позволило КПРФ выстроить аргументацию: распад СССР был «рукотворным» и юридически ничтожным. Россия «могла не допустить развала СССР по правовым соображениям, но политическая воля на это отсутствовала» (С.П. Обухов. Российский парламентаризм между признанием и отторжением).

Впоследствии эта аргументация вышла за пределы коммунистического, левопатриотического политического лагеря. На Петербургском юридическом форуме 2025 года советник президента Путина Антон Кобяков заявил, что СССР юридически продолжает существовать, а Беловежские соглашения подписывались органами, не имевшими полномочий.

Эту точку зрения поддержал председатель Ассоциации юристов России, экс-премьер Сергей Степашин. Тем самым линия, начатая Думой 1996 года, получила развитие уже в дискурсе близких к власти экспертов и политиков.

По сути, сегодняшние заявления представителей власти о том, что СССР «юридически жив», а акты его распада были антиконституционными, стали возможны именно потому, что в марте 1996 года КПРФ добилась парламентского признания незаконности Беловежских соглашений и официального подтверждения действия итогов референдума 17 марта 1991 года.

Укрепление КПРФ как системной оппозиции

Мартовский эпизод стал важным элементом в формировании образа КПРФ как единственной последовательной силы, выступающей с ельцинских времен за реинтеграцию, восстановление исторической России.

Денонсация Беловежья — героический эпизод в истории КПРФ

Для сторонников левых в российском обществе события марта 1996 года стали элементом «героического нарратива». Ведь в этих событиях КПРФ проявила себя как сила, сумевшая (вместе с генералом Куликовым и другими здравомыслящими политиками и военными) предотвратить попытку Ельцина развязать новую гражданскую войну и заложить правовой фундамент для будущего воссоединения.

Март 1996-го как поворотный пункт новейшей истории России

События в Государственной Думе 15–20 марта 1996 года – это не просто эпизод «героической оппозиции», а узловой момент постсоветской истории с несколькими уровнями последствий.

Правовой уровень. Денонсированы Беловежские соглашения в части прекращения существования СССР, подтверждена юридическая сила референдума-1991, заложен фундамент для создания Союзного государства России и Белоруссии, принятия Крыма, Севастополя и республик и областей Новороссии в состав Российской Федерации.

Политический уровень. Хотя и возник острый кризис, едва не приведший к повторению сценария 1993 года и полномасштабной гражданской войне, КПРФ и левопатриотическим силам вместе с ответственными силовиками удалось купировать ельцинское «силовое безумие». Как позже признавали сами участники событий, именно авторитет и влияние КПРФ после победы на выборах в декабре 1995 года, а также позиция генерала Куликова и его коллег, отказавшихся «ломать Конституцию» и рисковать гражданским миром, стала решающим фактором в отказе Ельцина от силового сценария. КПРФ после событий марта 1996 года не только закрепила статус крупнейшей оппозиционной силы и альтернативы либерально-ельцинскому развалу, но и предстала в массовом сознании как политический движитель, мотор интеграционных процессов на постсоветском пространстве, продвигающих процесс восстановления исторической России. Кремль вынужден был частично перехватить интеграционную повестку как в вопросах развития Союзного государства, так и включения в состав России новых независимых государств, образующихся на постсоветской территории.

Идеологический уровень. Легитимирована на уровне парламента концепция незаконности распада СССР. Сформирован устойчивый нарратив, согласно которому современные конфликты являются «прямыми последствиями Беловежья», что постоянно подчеркивает Г.А. Зюганов:

«Все нынешние наши беды и унижения: и экономические, и геополитические, и социальные, и моральные, и душевные — растут из Беловежья». (Г.А. Зюганов, 07.12.2016)

Март 1996-го стал одним из пиков парламентского сопротивления ельцинскому курсу (второй пик – создание коалиционного правительства Примакова-Маслюкова в сентябре 1998 г., третий – импичмент Ельцину 1999 г.), и отправной точкой для новой конфигурации российской политической системы, в которой вопрос о правомерности распада СССР и сегодня остается не только историческим, но и актуальным инструментом внутренней и внешней политики. Стратегические для будущего развития страны решения, проведенные КПРФ через Госдуму даже в условиях угрозы роспуска парламента и интернирования руководства и актива партии, заложили правовую и политическую основу для дальнейшего «собирания земель», восстановления исторической России.

Именно поэтому можно утверждать: если бы КПРФ в марте 1996 года дрогнула под угрозой запрета, массовых арестов и силового разгрома парламента, не было бы ни нынешнего признания незаконности Беловежских соглашений на самом высоком уровне, ни правового каркаса для интеграции на постсоветском пространстве. То, что сегодня даже официальные лица могут говорить о «юридически живом СССР», напрямую опирается на тогдашние решения и политическую волю коммунистов, не склонившихся перед шантажом.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве опираются не на произвольные желания, а на реальное юридическое основание — официально признанную действительность итогов референдума 17 марта 1991 года и последующие решения Государственной Думы Российской Федерации.

Но важно помнить: всего этого не было бы, если бы в марте 1996-го КПРФ пошла на попятную, испугалась угроз запрета, массовых арестов, роспуска парламента. Партия проявила политическую волю и историческую ответственность, не склонилась перед шантажом, противостоя не только «семибанкирщине» и либеральным реформаторам, но и прямой опасности развязывания Ельциным нового гражданского конфликта.

Сегодня, когда вновь встает вопрос о стратегическом курсе страны, о будущем Союзного государства, евразийской интеграции, о судьбе Новороссии, стоит назвать вещи своими именами. Денонсация Беловежских соглашений — это юридический реванш истории, совершенный коммунистами и их союзниками. Это фундамент, на котором строится реальная, а не декоративная интеграция. Это доказательство того, что народное «да» Союзу, сказанное в марте 1991 года, продолжает звучать в политике России — несмотря на все попытки предателей и их наследников заглушить этот голос.

История зафиксировала: там, где у ельцинского режима не хватило ни законности, ни мужества, КПРФ проявила и правовую принципиальность, и политическую волю. Именно поэтому вопрос о правомерности распада СССР остается не закрытой страницей прошлого, а живой повесткой будущего — повесткой восстановления исторической России.

**С.П. Обухов,
Доктор политических наук
Центр исследований политической культуры России**